

Академик В. В. Струве

Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью

Изучение эламских документов хозяйственной отчетности персепольских архивов эпохи Дария I и Ксеркса определило наконец в 1938 г. безоговорочно порядок месяцев древнеперсидского календаря и в частности установило тот факт, что древнеперсидский месяц Адуканиш является первым месяцем, а не четвертым, пятым или шестым, как это обычно предполагалось до 1938 г. Тем самым вскрылось внутреннее противоречие в повествовании Бехистунской надписи о событиях в Армении и Мидии. Оказалось, что победа военачальника Дария Ваумисы над мятежниками в Армении, датированная последним днем месяца Туравахара, уже давно отождествленного со вторым месяцем, не предшествует, а следует во времени поражению, которое нанес Дарий у Кундуруша в Мидии узурпатору Фравартишу, поскольку это событие датировано 25 днем месяца Адуканиш, т. е. I месяца, согласно новым данным персепольских архивов. Несмотря на этот порядок следования указанных двух событий в реальном историческом процессе, Бехистунская надпись представляет победу Ваумисы предшествующею победе Дария над Фравартишем.

Вот описание указанных событий в великой надписи: „В местности, называемой Аутира, в Армении, там они [т. е. Ваумиса и мятежники] дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было на исходе месяца Туравахара [II месяца], когда произошло сражение. Затем (pasava) Ваумиса до тех пор поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

531. Затем (pasava) я выступил из Вавилона и направился в Мидию. Когда я прибыл в Мидию, то в город, называемый Кундуруш в Мидии, —туда тот Фравартиш, который называл себя царем Мидии, двинулся с войском, чтобы сразиться со мной. Затем (pasava) мы вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско Фравартиша я разбил наголову. Это было в 25-ый день месяца Адуканиш [I месяца], когда мы дали сражение“.

Мы видим, что победа Дария в Мидии над Фравартишем, датированная 25-ым днем I месяца, т. е. 8 мая 521 г., отмечена, как следующая во времени за победою Ваумисы над мятежниками в Ар-

мени, датированной 30-ым днем II месяца, т. е. 12-ым июня 521 г.

Данное противоречие знаменитой надписи не может не поразить исследователей: ведь во всех прочих случаях повествование Дария-историка на Бехистунской скале четко отмечает последовательность событий. Оно, очевидно, было обусловлено тем, что Дарий до самого последнего момента окончательного составления Бехистунской надписи колебался в хронологическом определении начала военных действий мятежников в Армении и тем самым начала похода, или походов против них.

Ниже я попытаюсь установить причину этих колебаний Дария.

С изложением событий, имевших место в Армении, связано еще и второе противоречие в повествовании Бехистунской надписи, на которое уже давно было обращено внимание. Дело в том, что Армения, на территории которой столько раз сражались с мятежниками два военачальника Дария—Дадаршиш и Ваумиса,—не названа в списке областей, восставших против Дария во время его вавилонского похода. Список дан в § 21 надписи: „Пока я был в Вавилонии“,—говорит Дарий,—„следующие области от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, страна Саков“.

Правда, название Египта в данном списке сохранилось лишь в эламской версии надписи—„Мусариа“, а в персидском тексте и в вавилонской версии оно уничтожено. Поэтому некоторые исследователи, как Эд. Мейер, И. Маркварт и другие, пытались устранить указанное противоречие в повествовании Бехистунской надписи отождествлением Мусариа эламской версии с Арменией. Подобное предположение не может вызвать одобрения, поскольку „Мусариа“ означает Египет и в списке § 6 Бехистунской надписи, и в списке Накширустемской надписи А, а сама „Армения“ и здесь и там названа эламской версией „Харминуиа“. Не менее удачно можно назвать попытку Ф. Кенига, В. Гинца и др. объяснить отсутствие Армении в списке восставших областей тем, что она якобы была включена в Мидийскую сатрапию. Если бы даже Армения, действительно, входила в состав Мидии, она должна была быть все же упомянута в списке восставших областей. Вель Маргиана, входившая в состав Бактрии, несмотря на это, названа в списке восставших областей. Кроме того, Армения во всех дошедших до нас ахеменидских списках подвластных областей всегда является самостоятельной сатрапией, отличающейся от Мидии.

Поэтому мы должны признать за факт, с одной стороны, то, что Армения не называлась в списке восставших областей, а с другой стороны, и то, что она в случае мятежа ее туземного населения была бы названа среди отпавших сатрапий.

С двумя вышеуказанными своеобразными моментами повествования о событиях в Армении, а именно: неправильное изложение последовательности событий и также отсутствие Армении в списке

мятежных сатрапиев—стоит несомненно в связи и другая не менее примечательная особенность повествования о мятеже в Армении: полностью отсутствует описание начала мятежа. Повествование начинается непосредственно с приказа Дария своим полководцам Дадаршишу и Ваумисе разбить мятежников. Так, в § 26 надписи мы читаем: „Армянина, по имени Дадаршиш, моего подчиненного [раба], я послал в Армению [и] так ему сказал: „Иди и разбей мятежное войско, [которое] не признает меня“, или же в § 29: „Перса по имени Ваумису, моего подчиненного, я послал в Армению [и] так ему сказал: „Иди [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбей“.

Подобный способ изложения хода событий резко противоречит тому, который применяется во всех других случаях составителем надписи на Бехистунской скале. Так, например, следующим образом начинается описание мятежа в Мидии: Один человек по имени Фравартиш, мидянин, восстал в Мидии. Народу он так говорил: „Я—Хшатрита, из рода увахшатры [Киаксара]“. Тогда мидийское войско, которое [находилось] в кланах [т.е. на родине], отложилось от меня и перешло к Фравартишу. Он стал царем в Мидии. Персидское и мидийское войско, которое было при мне, было незначительно. Тогда я отправил войско. Перса Видарну, моего подчиненного, я сделал над ними начальником [и] так им сказал: „Идите [и] разбейте то мидийское войско, которое не признает меня“.

Аналогичное изложение начала события мы находим при описании мятежей в Вавилонии, Эламе, Сагартии, Персии. Попытка объяснить отсутствие начала в описании мятежа в Армении тем обстоятельством, что армяне восстали, вероятно, в пользу Фравартиша, узурпатора в Мидии, является неудовлетворительной. Парфия и Гиркания восстали против Дария в связи с мятежом Фравартиша и, несмотря на это, Дарий отмечает в § 35 начало событий в этих смежных с Мидией областях: „Парфия и Гиркания отложились от меня [и] примкнули к Фравартишу. Мой отец Виштаспа был в Парфии. Народ его покинул [и] взбунтовался. Тогда Виштаспа двинулся с войском, которое [оставалось] ему верным“. Поэтому придется искать иное объяснение опущения начала волнений на территории Арменкии.

В описании событий в Армении мы находим еще и одно поразжающее нас обстоятельство, а именно то, что Дарий отправляет названных двух своих подчиненных—армянина Дадаршиша и перса Ваумису без войска, а не с войском, как большинство других своих полководцев. Если формулировка приказа армянину Дадаршишу и персу Ваумисе, отправляемым без войска в Армению, гласила: „Иди [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбей“, то формулировка приказов Видарне (§ 25), Тахмаспаде (§ 33), Артавардии (§ 41) и Виндафарне (§ 50), отправляемым с войском против мятежников, гласила: „Идите [и] мятежное войско, которое не признает

меня, разбейте". Так же гласил приказ, данный Вах'яздатом, узурпатором в Персии, своему полководцу, которого он с войском послал против Виваны, сатрапа Арахозии, оставшегося верным Дарию. Вах'яздата приказывает своему полководцу (§ 45): „Идите и разбейте Вивану и то войско, которое признает [своим] царем Дария“.

Один лишь приказ Дария персу Дадаршишу, сатрапу Бактрии, которому великий царь поручил усмирить восставшую Маргиану, был формулирован так же, как вышеприведенные приказы армянину Дадаршишу и персу Ваумисе. Царь повелевает сатрапу Бактрии (§ 38): „Иди и разбей войско, которое не признает меня“. Подобная формулировка приказа сатрапу являлась вполне понятной. У сатрапа Бактрии было, конечно, свое собственное войско и поэтому Дарию и не приходилось посылать ему на далекий Восток столь нужные ему на западе военные силы.

Талантливый австрийский ученый Кениг пытался объяснить тем же моментом и отправление без войска армянина Дадаршиша в Армению. Согласно его предположению, армянин Дадаршиш, которому было поручено разбить мятежников в Армении, является тождественным с персом Дадаршишем, сатрапом Бактрии, которому было приказано усмирить восставших маргианцев.

К сожалению, остроумная догадка Кенига не может быть принята, так как Дадаршишу, сатрапу Бактрии, преграждала после его победы над маргианцами от 13 декабря 522 г. далекий путь в Армению на западе, мятежная Парфия. Последняя была усмирена лишь 13 июля 521 г., т. е. через 2 месяца после первой победы армянина Дадаршиша над мятежниками в Армении, одержанной 21 мая 521 г. Уже один этот факт заставляет отвергнуть отождествление армянина Дадаршиша и перса Дадаршиша, сатрапа Бактрии.

Отвергая гипотезу Кенига, мы тем самым должны найти свое объяснение для отправления армянина Дадаршиша и перса Ваумисы против мятежников в Армению без предоставления им войска. Мы знаем еще случай отправления Дарием в область, где имелись налицо враждебные ему силы, своего приближенного без сопутствующей военной помощи. Я имею в виду рассказ Геродота (III, гл. 127—128) о посылке Дарием в область враждебного ему сатрапа Сард Орайты своего верного сторонника Багаи без какого-либо войска. Багаи справился со своей задачей, использовав для ее решения военные силы самого Орайты.

Очевидно, и армянин Дадаршиш и перс Ваумиса должны были решить поставленную перед ними задачу с помощью персидских вооруженных сил, имевшихся налицо в Армении. В таком случае, естественно, перед нами встает вопрос, почему же не были даны Дарием соответствующие приказы наместнику Армении, подобно тому, как он повелел сатрапу Бактрии усмирить Маргиану. Приходится поэтому предположить, что тот враг, против которого Дарий из своей ставки посылает своих приближенных Дадаршиша и Ваумису,

разбил сатрапа Армении, потерявшего вероятно и на поле сражения жизнь свою. Его войско отступило к южной границе Армении, опираясь на линию укреплений, сооруженную против Кардухов, ожидая здесь приказов из центра. Эти войска и должны были возглавить Дадаршиш, а затем и Ваумиса, которые получили, как мы видели, приказы, обращенные к ним одним лично, разбить врага. Последующий текст подчеркивает, что они из ставки Дария отправились одни: „После этого Дадаршиш, *gesp.* Ваумиса, отправился“.

Что же касается тех приближенных Дария, которые получали войско в ставке Дария, как, например, Видарна, то в настоящем тексте подчеркивается, что „затем Видарна отправился с войском“, „*pasava hauv Vidarna hada kara ašiyava*“ (§ 25).

Теперь я должен поставить перед собою задачу, решить проблему определения врагов Дадаршиша и Ваумисы. Кто они были, враги, начало войны с которыми было трудно определить Дарию, враги, сражавшиеся в Армении, но своими военными действиями не обусловившие включение Армении в число отпавших сатрапий, враги, цель мятежа которых не называется Дарием, враги, нанесшие поражение и принесшие смерть сатрапу Армении.

Пожалуй, я являюсь первым из историков, который ставит указанный вопрос. Действительно, не только историки, творцы большого общего труда по истории древнего Востока, как, например, Эд. Мейер, утверждают, что против Дария восстали „армяне“, но и ученые, посвятившие специальные исследования Бехистунской надписи. Так, например, Кениг указывает, что Ваумиса разбил „армян“, а Гинц отмечает, что „армянин Дадаршиш сражался со своими восставшими земляками“.

Кажется, ни один из исследователей, как это ни странно, не обратил должного внимания на тот факт, что мятежники, с которыми сражались в Армении и Дадаршиш и Ваумиса, не называются в надписи „армянами“. Данная особенность повествования является несомненно весьма своеобразной, ибо во всех других случаях в Бехистунской надписи мятежники назывались по имени той области, в которой они пребывали. Так, в рассказах о мятежах говорится о том, что „эламитяне отпали“ (§ 16), и весь вавилонский народ перешел к узурпатору (§ 16), „мидийское войско, которое было в кланах, т. е. на родине“, отпало (§ 24), „Чиссатахма сагартнец говорил народу „я царь“ в Сагартии (§ 33), „Гистасп дал сражение парфянам“ (§ 35), „персидское войско в кланах изменило, стало мятежным“ (§ 40). Среди всех этих отпавших вавилонцев, эламитян, мидян, парфян, маргианцев и персов нет упоминания об армянах. Это тем более странно, что лица, называемые по стране „*armina*“ „Армения“ — „*arminiya*“ „армянин“, упоминаются в Бехистунской надписи, как уже неоднократно упоминаемый военачальник „армянин“ Дадаршиш, или же „армянин“ Араха, который восстал в Вавилоне. Имя отца Арахи

„Халдита“ свидетельствует о том, что его род почитал древнего урартского бога Халда.

Поэтому, с моей точки зрения, можно объяснить этот факт неупоминания этно-географического термина „армяне“ в повествовании о войнах Дадаршиша и Ваумисы в Армении, лишь тем обстоятельством, что врагами двух названных полководцев Дария не было коренное население Армении—Урашту, а племена, очень недавно вторгнувшиеся в Армению.

Другим моментом повествования о событиях в Армении, который также требует своего объяснения, является отсутствие вождя у этих мятежников, как у восставших в других областях державы Дария—у эламитян, вавилонцев, мидян, сагартийцев, маргиан и персов. Правда, не назван вождь восставших парфян, но поскольку, как мы видели, отложившиеся Парфия и Гиркания примкнули к Фравартишу, то очевидно, вождем их было лицо, назначенное мидийским узурпатором.

Отсутствие общепризнанного вождя у мятежных племен в Армении обусловило, надо полагать и, их неорганизованность, выразившуюся в том, что они „собирались“ при наступлении Дадаршиша и Ваумисы. Мы читаем в § 26: „Когда он [т. е. Дадаршиш] прибыл в Армению, мятежники собрались (*hšgmātā*) и двинулись против Дадаршиша“. То же выражение мы находим и в § 29: „Когда он [т. е. Ваумиса] достиг Армении, мятежники собрались и двинулись против Ваумисы“. Это выражение „собрались“ „*hšgmata*“ мы будем тщетно искать в описании первого сражения войска Дария, или войск его полководцев с другими мятежниками. Последние ожидают войска Дария также в виде организованного войска и поэтому отсутствует здесь выражение „они собрались“. Так, например, в описании битвы с сагартийским узурпатором указывается, что полководец Дария отправился с войском. Сражение он дал Чиссатахме“, или же в описании битвы с маргианцами: „сатрап Бактрии отправился с войском. Сражение он дал маргианцам“.

Встречается термин „собрались“ лишь по отношению к разединенным остаткам разбитого войска мятежных персов, вторгнувшихся в Арахозию, сатрапию верного сторонника Дария Виваны. Надпись рассказывает, что после поражения „опять собрались мятежники и двинулись против Виваны“. Подобное значение термина „собраться“ в данном контексте дает нам возможность сделать правильный вывод из факта, что мятежники в Армении не имели вождя и „собирались“ лишь при наступлении врага. Ведь объяснение данного момента И. Марквартом не может быть признано удовлетворительным. Он заявляет в своих „исследованиях к истории Ирана (т. II, стр. 167), что „армяне и тогда столь же мало были в состоянии решиться умереть и жить за свою собственную страну и это следует недвусмысленно из полного умолчания Дария о каком-либо их вожде“. Это нелепое объяснение не делает чести такому круп-

ному ученому, каким был И. Маркварт. Правильное объяснение указанного момента сводится, конечно, к тому, что Дарию противостоял здесь лишь рыхлый конгломерат племен, подобно кашкейцам, с которыми приходилось воевать на северо-востоке Малой Азии хеттским царям, подчеркивавшим в своих анналах, что кашкейцы варварский народ, не знавший царской власти.

Эти племена, которые, несмотря на свою неорганизованность, угрожали державе Дария в Армении, обладали еще большой подвижностью. Они ведь наводнили собой всю Армению, поскольку полководцы Дария сражались с ними на южной границе Армении, судя по географическим пунктам, названным в надписи. Мало того, они вторглись также и в северозападную Ассирию, где в области Изалла к северо-востоку от Харрана (между Хабуром и Мардином) Ваумиса нанес им поражение 31 декабря 522 г. Тем же путем через область Ассирии сто лет тому назад пробивались скифы около 623 г. на юг.

Вполне будет закономерным тот вывод, что данные племена, сражавшиеся с войсками Дария в самом начале его правления, вторглись в пределы Армении еще сравнительно недавно, если Дарий их не называет армянами. Коренное население страны, надо думать, относилось к ним враждебно, ибо подобным обстоятельством легче всего объяснить то сравнительно большое количество пленных (немного меньшее, нежели число убитых), которые захватывали Дадаршиш и Ваумиса после своих побед над мужественным врагом, который до того нанес тяжелое поражение сатрапу Армении. Вспомним громадное количество пленных, которое оставили тевтоны и амброны в руках римлян. Согласно эпитоме 68 кн. Ливия названные варвары потеряли 90.000 пленными.

Таким образом, врагами Дадаршиша и Ваумисы не могли быть просто осевшие в Армении племена Халдов и Армян. Можно даже предположить, что успех политики Кира, которая, согласно свидетельству Киропедии Ксенофонта (III, 2, 1), была направлена к примирению халдов и армян—был отчасти обусловлен боязнью последних перед вторгнувшимися в их область новыми варварскими племенами. Дело в том, что из Страбона (кн. XI, гл. 8, § 4) мы узнаем о вторжении в Армению и в смежные страны племен саков, причем одна из версий легендарных рассказов об этом связан с именем Кира Великого. По имени саков часть Армении стала называться Сакасеной. Согласно Страбону, Кир им нанес поражение и посвятил своей победе будто бы праздник, названный им „Сакейщиной“. Как я уже сказал, традиция о вторжении саков у Страбона, переплелась с легендами, но, конечно, некоторое ядро подлинной исторической традиции рассказ Страбона мог сохранить. Если можно предположить, что Кир действительно одержал победу над саками, то победа, одержанная им над саками, давала, очевидно, основание считать их включенными в персидскую державу. Поэтому Дарий и мог рассматри-

вать враждебные действия с их стороны, как „мятеж“. „Мятеж“ этих воинственных племен начался наверное уже после смерти их победителя Кира, и он поэтому выпадал тем самым из ряда прочих восстаний, вспыхнувших в начале правления самого Дария. Это обстоятельство, очевидно, и заставило Дария колебаться до самого последнего момента в выборе того контекста надписи, в который он мог бы включить повествование о событиях в Армении.

Мне остается в заключение определить место и значение появления в Армении саков в цепи движений других северных племен в пределах Передней Азии.

Сакам, вторгнувшимся в Армению при Кире, предшествовали скифы, временно завоевавшие мидийскую державу при Киаксаре около 623 г. до н. э., а скифам предшествовали киммерийцы, совершавшие набеги на царство Урарту в VIII—VII вв. Движение киммерийцев было обусловлено давлением скифов (Геродот, I, гл. 103), а скифов в свою очередь теснили массагеты (Геродот, кн. IV, гл. 11). Саки—массагеты (массагеты—„большие саки“) должны были отступить на юг, в Армению, под ударами сарматских племен, достигших, согласно Геродоту (кн. IV, гл. 21), в V в. во всяком случае уже берегов Дона.

Факт появления новой волны северных племен—саков в Армению в начале эпохи Ахеменидов, засвидетельствованный теперь не только Страбоном, но и Бехистунской надписью, является подкреплением установленного акад. Я. А. Манандяном факта владычества киммерийских, скифских и сарматских племен на севере армянского плоскогорья.

Наряду с киммерийцами, скифами, сарматами и саки должны быть учтены историками при решении проблемы этногенеза армянского народа и других проблем его древнейшей истории.